Научная статья /
Research Article

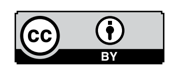
https://elibrary.ru/XJLYTH
УДК 821.161.1.0+82
ББК 83.3(2Рос=рус)4

«МАКЕДОНСКИЙ ОФИЦЕР» — РОМАН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

© 2025 г. Н.И. Дужина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 21 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 ноября 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-238-257

Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Аннотация: Статья посвящена незавершенному роману Андрея Платонова 1934 г. «Македонский офицер. Роман из ветхой жизни», который открывает «восточный цикл» писателя. Действие романа происходит в IV в. до н.э. на фоне завоевательных походов Александра Македонского в Среднюю Азию, но в фантастической стране Кутемалии и с рядом деталей из современной жизни. Некоторые персонажи романа — реальные исторические личности: царь Македонии Александр, летописец его походов Каллисфен, древнегреческие философы Аристотель и Платон; некоторых Платонов наделяет именами из античной истории: Фирс, Потамон, Ферсалия, Главк и Клузий; и только два героя носят придуманные автором имена: царь Кутемалии Озний и рабыня с шелковичных плантаций Офрия. Персонажи с античным антуражем, а также упомянутые по ходу повествования события греческой истории создают иллюзию историчности. Однако анализ этой «исторической» части содержания, включая имена из античной истории, на фоне реальных прообразов описанных событий и носителей имен, позволяет сделать вывод о псевдоисторичности «Македонского офицера»; сравнение же «фантастических» картин романа с фактами античной и современной истории — выявить роль античной составляющей как художественного приема, дающего автору возможность показать современность под прикрытием Античности. В статье рассматриваются источники повествовательной стратегии и образной системы романа, который задумывался автором как роман-карикатура на современную ситуацию в стране.
Ключевые слова: Андрей Платонов, «Македонский офицер», Античность и современность, карикатура.
Информация об авторе: Наталья Ильинична Дужина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0003-4774-0754
E-mail: duzinati@yandex.ru
Для цитирования: *Дужина Н.И.* «Македонский офицер» — роман из современной жизни // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 238–257. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-238-257

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

THE MACEDONIAN OFFICER, A NOVEL FROM MODERN LIFE

© 2025. Natalya I. Duzhina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: October 21, 2024
Approved after reviewing: November 25, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries."

Abstract: The article examines Andrei Platonov's unfinished novel *The Macedonian Officer. A Novel from Ancient Times*, which launches Platonov's so-called eastern cycle. The novel is set in the 4th century BC, against the background of Alexander the Great's conquests in Central Asia, but in the imaginary country of Kutemalia and with a number of details from modern life. Some of the characters are real historical figures: Alexander the Great, Callisthenes the chronicler of his campaigns, Aristotle and Plato. Platonov endows others with names from ancient history: Firs, Potamon, Phersalia, Glaucus, and Clusium. There are two characters to whom Platonov gives invented names: King Ozni of Kutemalia and Ophria, a slave from the silkworm plantations. The characters with ancient background as well as features of Greek history in the novel's plot create an illusion of historicity. However, an analysis of the historical aspects of the plot, including the names from ancient history, allows us to conclude that the novel is not so much historical as pseudo-historical. A comparison of the "fantastic" scenes of the novel with the facts of ancient and modern history shows us that the novel's "ancient" component is an artistic device, allowing the author to portray modernity under the guise of antiquity. The article examines the sources of the narrative strategy and the novel's image system, conceived by the author as a caricature.

Keywords: Andrei Platonov, *The Macedonian Officer*, antiquity and modernity, caricature.

Information about the author: Natalya I. Duzhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-4774-0754

E-mail: duzinati@yandex.ru

For citation: Duzhina, N.I. "*The Macedonian Officer*, a Novel from Modern Life." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 238–257.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-238-257 (In Russ.)

Так называемый «восточный цикл» Андрея Платонова (ряд произведений, написанных по результатам его поездок в Туркмению в 1934–1935 гг. и на туркменском материале), в который входит рассказ «Такыр» и повесть «Джан», открывается незавершенным проектом «Македонский офицер. Роман из ветхой жизни», действие которого происходит в IV в. до н.э., во время завоевательных походов Александра Македонского в Среднюю Азию, на фоне среднеазиатского пейзажа — горного хребта Тянь-Шань (Небесные Горы) и в долине реки Чу, т. е. в современном Платонову Туркестане. Хотя роман и не был завершен, написанная часть позволяет говорить об интересном замысле и необычном художественном эксперименте Платонова.

Главное действующее лицо задуманного романа — офицер армии Александра Македонского по имени Фирс, родом из Мегары, греческого города-государства. Сам Александр Македонский и связанные с ним исторические личности: летописец походов Александра философ Каллисфен, воспитатель Александра философ Аристотель и учитель последнего философ Платон — в непосредственном действии романа не участвуют, но присутствуют на заднем плане, поддерживая его исторический колорит и раздвигая границы проблематики. Основные события «Македонского офицера» происходят в фантастической стране Кутемалии, в ее столице — также не существующем в действительности городе Себс, где по поручению Александра Македонского живет Фирс с заданием от царя-полководца — изучить вражескую страну, найти способ ее покорения и в нужный момент открыть своим товарищам городские ворота, т. е. действует как шпион. При этом реальные и придуманные топонимы в романе перемешаны — окружающие Кутемалию и Себс страны и города реальные: Персия, Бактрия, Вавилон,

Экбатана. Предыстория Фирса до появления в Кутемалии — его жизнь в Греции — построена на реальных деталях греческой истории, но с демонстративным искажением их конкретного исторического облика (об этом ниже). У Фирса есть возлюбленная — персиянка Офрия, рабыня с шелковичных плантаций. Ряд второстепенных персонажей произведения (Главк, Потамон, Ферсалия, Клузий) носят греческие и латинские имена, которые звучат вполне аутентично и создают иллюзию историчности. Но поскольку эти имена имеют своего исторического носителя, то переадресовка их актуализирует особую направленность романа, который, несмотря на всю историческую атрибутику, подчеркнуто псевдоисторический. Все эти обстоятельства поднимают вопрос о цели, значении и источниках такой повествовательной стратегии.

Это необычное произведение Платонов не завершил, но его идею вынашивал довольно долго. Первое упоминание «Македонского офицера» появляется в записной книжке писателя в 1932 г. [8, с. 108]: в это время, вероятно, роман и был задуман. В сентябре–октябре 1932 г. Платонов оказался в Средней Азии как инженер — был командирован[1] в г. Фрунзе, в бассейн реки Чу, которая станет одним из топонимов романа. Однако реально писатель приступает к «Македонскому офицеру» только после своей первой поездки в Туркмению в 1934 г., о чем свидетельствует датированная запись на книге из его домашней библиотеки (описание библиотеки Андрея Платонова в фонде ИМЛИ РАН см.: [5]): *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6: Азиатская Россия и Средне-Азиатские ханства. СПб.: Изд-е картографического заведения А. Ильина, 1892. В книге подчеркнуто несколько фрагментов, два из них Платонов использовал для романа «Македонский офицер». Так, на стр. 252 выделены слова: «…что касается реки Чу, то она выпускает из себя один исток в Иссык-куль, тихий ручей Кутемальды…» [5, с. 994]. От этого ручья Кутемальды Платонов и произвел название фантастической страны «Македонского офицера» — Кутемалия. На стр. 406 книги он подчеркнул фрагмент о шелководстве в Ферганской долине в XIX в., который тоже отразился в романе, и это подчеркивание датировано: «Шелководство производится довольно оригинальным способом. Женщины завертывают яички шелковичного червя в сырую тряпку

1 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4; [8, с. 109, 358].

и выводят гусениц своей собственной теплотой, нося тряпку в продолжении двенадцати дней под поясом; затем, когда черви начнут ползать, они помещают их в корзинки, которые выставляют на солнце, наполнив их листьями шелковичного дерева и прикрыв мокрым бельем». Рядом с этим фрагментом запись Платонова: «Для Макед<онского> офицера — Казакская степь 3 ч. дня 9/V 34» [5, с. 995]. 9 мая 1934 г. Платонов находился в поезде — возвращался из Туркмении в Москву (см. об этом: [10, с. 372; 8, с. 145]). Книгу, которую писатель читал в дороге и которая стала одним из источников образной системы «Македонского офицера», он, вероятно, приобрел во время этой своей поездки. Необычной способ шелководства, восходящий к описанному в книге Реклю, упоминается на одной из первых страниц платоновского текста, так что ясно, что писатель приступил к нему только после возвращения из Туркмении. При этом исходную историческую деталь этого производственного процесса — место размещения яичек шелковичных червей на теле женщины («под поясом») — Платонов заменяет. Наброски к «Македонскому офицеру» включают такую неоконченную запись: «Черви шелковичные вынашиваются женщинами в половых органах — в сырости черви»[2]; рядом с этой записью — несколько других на тему рабства; ясно прочитывается одна: «Историческое чувство — философия рабов»[3]. В результате замены исторической детали шелководства в XIX в. получился один из самых характерных для этого произведения образов, заостряющий рабское положение работницы шелковичных плантаций:

> …Женщина приподняла покрывало на себе<,> и Фирс увидел шелковые полосы, туго закрывающие орган любви и завязанные многократными, тайными узлами через бедра и на животе… …Под шелковыми поясами, превращавшими существо любви в мумию, находился еще особый мешочек, вложенный в глубь телесной тайны, и в том мешке были поселены шелковичные черви, которые, пользуясь влагой, теплом и возбуждением от движения женщины, быстро вырастали, делались сильными — и тогда выползали поверх повязок. В тот момент шелковичных червей собирали, а женщине вкладывали новый мешочек с юными червями. Этот способ не давал смертности среди червей, самые черви были гораздо производительнее, и, стало быть,

2 ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 3. Ед. хр. 45. Л. 3.
3 Там же.

вынашивание червей женщинами было весьма разумно для государственного хозяйства [9, с. 247].

Кроме названия страны «Кутемалия» и необычного способа шелководства, из книги Реклю Платонов заимствует для своего романа еще два топонима. Первый топоним — город Себс, столица Кутемалии. Себс — это третья часть названия города Шехр-и-себс (упоминается: [14, с. 377, 379 и др.]), или даже Шехр-и-Себс [14, с. 378] на территории современного Узбекистана, возникшего на месте родной деревни тюркско-монгольского завоевателя Тимура Тамерлана (1336–1405), который хотел сделать здесь столицу своей империи [14, с. 376]; Тамерлан также фигурирует в записной книжке писателя 1934 г. [8, с. 146, 148]. Второй топоним — название «небольшой горы Ак-су, расположенной одиноко внутри долинного Кутемалийского государства» [9, с. 246], где Фирс обычно встречается с Офрией. В реальности же Ак-су — это название одной из рек Туркестана, неоднократно упоминаемой Реклю [14, с. 259, 272, 289, 290 и др.], например: «Ак-су, называемая Мургабом в одной части его течения, тоже выходит из озера Газ-куль или Ой-куль...» [14, с. 290].

У «Македонского офицера» были, безусловно, и другие источники, идеи которых вдохновили автора на создание этого необычного произведения, а также дали для него фактический материал. Два из них сохранились в личной библиотеке Платонова. Это том из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха с биографией Александра Македонского [11] и сочинение известного российского историка-античника Владислава Петровича Бузескула (1858–1931) под названием «Античность и современность» [1].

Из написанного Плутархом жизнеописания Александра Македонского в замысел Платонова вошло мало; общие с Плутархом темы — это отношения царя с летописцем его походов Каллисфеном и с философами вообще (данные темы, впрочем, широко представлены и в других работах об Александре Македонском). Но Платонов читал по теме предмета и иные книги — следы этого чтения есть в тексте: в деталях греческой истории, в отраженных здесь чертах античной культуры и — совсем бесспорно — в уникальных именах собственных. Вероятно, он пользовался чьей-то хорошей библиотекой.

А вот сочинение В.П. Бузескула стало решающим для этого необычного замысла. Бузескул был автором многих работ по истории Древней Гре-

ции; основная тема той, которая оказалась в библиотеке Платонова, ясно выражена в ее названии: «Античность и современность». Проходящая через все сочинение идея близости Античности и современности сформулирована в предисловии: «...как много в античном мире *“современного”*, такого, что считается принадлежностью нашего времени» [1, с. 6]. С точки зрения представленности в новейшей истории Бузескул и рассматривает различные институты и черты древнегреческой жизни: государство и формы правления, закон и наказание, социальную борьбу и пр. Мысль историка о близости Античности и современности, вероятно, и определила обращение Платонова к ней. Но идею «Античность в современности» Платонов дополняет еще более радикальной: современность под прикрытием Античности.

В «Македонском офицере» писатель придерживается только внешней историчности, свободно обращаясь с историческими фактами и лицами; но все нарушения исторической правды сделаны не профаном в истории, а человеком, знающим предмет и понимающим, к чему он стремится. Приведем некоторые случаи искажения конкретного исторического облика описанных в романе событий истории древнего мира.

Так, упомянутое шелководство (одна из отраслей хозяйства Средней Азии в XIX и XX вв.) в IV в. до н.э. было возможно только в Китае и нигде в другом мире: китайцы тщательно скрывали секрет производства драгоценной ткани. Главный герой романа Фирс — вымышленный персонаж, он живет в Кутемалии по поручению Александра Македонского как шпион. Шпионство в Древней Греции действительно имело место. Один из таких случаев был связан как раз с Мегарой, родным городом Фирса. Так, во время войны Афин с Мерагой (около 600 г. до н.э.) афинский политический деятель Солон, возглавивший борьбу Афин за возвращение Саламина, «переслал на Саламин надежного человека, который выдавал себя за перебежчика» [20, с. 52]. Шпионство как феномен греческой жизни отмечено, в частности, Аристотелем, на что ссылается и Бузескул, но никто никогда не писал о попытках Александра Македонского подсылать шпионов в города и страны, которые он собирался завоевывать. Жизнь Фирса до присоединения к армии Александра Македонского тоже описана с опорой на реальные детали греческой истории и с видимостью историчности: родился «в маленькой греческой республике Мегаре»; в двадцатилетнем возрасте оказался втянутым в тираноубийство: «Тиран города Мегары Потамон лег

однажды — десять лет назад — от меча Фирса... <...> ...После убийства Потамона он... тою же ночью скрылся в направлении Афин, которые были враждебны к Потамону; впоследствии он и в Афинах был осужден на изгнание...» [9, с. 259]. Мегара — небольшой город-государство недалеко от Афин. Тиран, или тиранн, — один из типов правителей в Древней Греции; тиранами назывались предприимчивые люди, возглавившие борьбу за интересы народа против аристократии и присвоившие «себе самодержавную власть в республике» [20, с. 39]. Не во всех греческих городах к власти приходили тираны, но в Мегаре это однажды случилось: в сочинениях историков упоминается только один тиран Мегары, Феаген (*Фукидит.* История, I, 20; [20, с. 49]). И убийство тиранов время от времени происходило, но Феагена никто не убивал. Что касается Потамона, то это имя принадлежало другому историческому лицу (об этом ниже). Враждебными Мегаре Афины тоже были однажды, но не во времена Александра Македонского (IV в. до н.э.), а во времена Солона Афинского (VI в. до н.э.). Осуждение на изгнание из города за те или иные проступки (обычно политические и религиозные), которое коснулось и Фирса, — типичное наказание в Древней Греции и Риме: так, был вынужден оставить Афины философ Анаксагор (V в. до н.э.), обвиненный в атеизме ([19, с. 217; 1, с. 23]); за казнь мятежника Катилины без суда осужден на изгнание из Рима Цицерон (I в. до н.э.) и др. Все эти детали, вероятно, были выбраны Платоновым по принципу отмеченного Бузескулом параллелизма с современной жизнью: «Чем ближе к концу античного греческого мира, тем более растет материал для параллели между античностью и современностью...» [1, с. 132].

Реальные имена собственные, которые носят некоторые герои «Македонского офицера», любопытны с двух точек зрения: как характерный для этого произведения прием — искажение черт исторического прообраза, и как очередное свидетельство о круге чтения Платонова. Если не считать случаев, когда герои упомянуты под своими личными именами (Александр Македонский, Каллисфен, Аристотель и Платон), это следующие персонажи: сам Фирс, тиран города Мегара Потамон и его жена Ферсалия, придворный при дворе царя Кутемалии Главк и начальник государственной мудрости при том же дворе философ Клузий.

Что касается имени «Фирс», то оно действительно греческое, но известное только в христианскую эпоху. Широко употреблялось в России:

в частности, его носил дед Платонова, отца которого звали Платоном Фирсовичем. Имя «Потамон», которое Платонов отдает тирану города Мегара, принадлежало философу второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. из Александрии; о нем пишет Диоген Лаэртский в сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (Кн. I, Вступление). Потамон создал эклектическую философскую школу; известен также своими комментариями к труду Платона «Государство»; упоминается философами Серебряного века. Откуда его заимствовал Платонов, сказать трудно, но уже одно оно свидетельствует о том, что Платонов читал книги по философии. Имя жены Потамона, Ферсалии, еще более любопытно: в реальности это не женское имя, а искаженное название поэмы римского поэта I в. н.э. Лукана «Фарсалия» о битве при городе Фарсале в Фессалии (область в Греции) во время гражданской войны Цезаря с Помпеем — Платонов объединил в имени слова «Фарсалия» и «Фессалия»; Лукан упоминается в «Божественной комедии» Данте — назван в числе четырех выдающихся поэтов древности: Гомер, Гораций, Овидий, Лукан (Ад. Кн. 4, ст. 73–78). Из всех приведенных выше имен только «Главк» было более или менее распространенным в Древней Греции (упоминается Плутархом, историком Геродотом и Платоном в диалоге «Федон»). На полях автографа «Македонского офицера» рядом с местом, где упоминается Главк, написано: «Главк — греч. имя». И, наконец, имя главы коллегии философов при дворе царя Кутемалии — Клузий — тоже показательно для этого произведения. Как и в случае с Ферсалией, это не имя, а название этрусского города, известного по одной из самых ярких историй Древнего Рима — о том, как царь города Клузия осадил Рим в 509 г. до н.э. Платонов мог читать об этом в одном из многочисленных дореволюционных пересказов «История Рима от основания города» Тита Ливия. Или, как и о героях и городах Греции, в популярном изложении Генриха Штоля: «Герои Рима в войне и мире: история Рима в биографиях».

И все же часть персонажей романа — реальные лица; нарушение исторической правды в отношении них или внимание к отдельным фактам их биографии наглядно демонстрирует вспомогательную функцию исторической основы произведения. Прежде всего это сам Александр Македонский, имеющий у Платонова черты, которых у него не было в действительности: «Александр... омрачился молодым лицом, испорченным немного оспой на поверхности» [9, с. 249], и это при том, что все источники, в том числе

Плутарх, пишут о нежной и чистой коже царя Александра. В сочинениях об Александре Македонском иногда подчеркивалась культурно-просветительская цель его походов и гуманитарные амбиции царя-завоевателя по отношению к не-греческому миру, например: Александр «хотел не играть роль обыкновенного завоевателя во вновь основанном им государстве, но слить в нем греческие и восточные элементы, устранить противоположность между Востоком и Западом...»; «в руках Провидения он был избранным орудием, чтобы пробудить дремавший Восток к новой жизни и распространением западного образования среди народов Азии приготовить свету новую ступень просвещения» [20, с. 395, 412]. Эту сторону деятельности Александра Платонов использует, но адаптирует ее так, что конечная цель царя смещается — ею оказывается какая-то философская истина, несущая благо всему человечеству: «...шел в походах впереди своих армий царь Македонии Александр... видящий в снах своих единый, железный мир человечества, направленный в бой против смертного потока природных стихий» [9, с. 248]; он говорил: «...в десять-пятнадцать лет я... создам царство единой воли и одной веры. Тогда я привлеку к себе философов... и скажу им — сделайте вашу истину благом для каждого человеческого сердца...» [9, с. 249]. Возможно, что победа над природой как цель Александра Македонского выполняет здесь вспомогательную функцию «носителя» идеи «царства единой воли и одной веры». И опять, по определению Бузескула, «растет материал для параллели между античностью и современностью».

Летописец походов Александра Македонского, историк и философ Каллисфен — еще одно историческое лицо, которого Платонов вводит в свой роман. Каллисфен был племянником учителя Александра Македонского Аристотеля; по протекции последнего сопровождал Александра во время похода на Восток. Известен своей независимой позицией по отношению к царю и критикой его привычек. Плутарх сообщает о конфликтах Каллисфена с Александром и его окружением и о патриотической цели сотрудничества Каллисфена с царем, но чисто информативно и без всяких оценок по отношению к Каллисфену: «...льстецов Каллисфен раздражал. Молодежь толпилась около него, занимаясь философией; людям постарше он не меньше нравился своей жизнью, упорядоченной, серьезной, независимой... Он примкнул к Александру, желая вернуть на родину сограждан и восстановить родной город» [11, с. 53]; «отвергал обряд земного преклонения перед Алек-

сандром» и не кланялся ему, как делали многие [11, с. 54]. Между Александром и Каллисфеном возникло отчуждение, в результате чего Каллисфен был обвинен в заговоре против царя и вскоре исчез с исторической арены: «Одни говорят, что Александр его повесил, другие, что он заболел и умер в заключении» [11, с. 55]. В отличие от Плутарха и других историков, Платонов, через восприятие Фирса, отдает дань уважения правдивости Каллисфена: Фирс «простился с Каллисфеном, которого уважал за его напряженные, непонятные мысли — они были, вероятно, действительно истинны, если часто не соглашались даже с царем» [9, с. 250]. И приписывает Каллифену такую двусмысленную оценку (которую в действительности Каллисфен не высказывал) походов Александра и будущего завоеванных им стран: «Каллисфен... сказал тогда царю, что греческая мысль, после того как азиатское солнце померкнет на греческом копье у последнего рубежа завоеванного мира... осветит тогда дорогу человечеству.... Каллисфен допускал однако и другую судьбу для земли, одухотворенной людьми... земля в таком случае обратится в смрадный газ...» [9, с. 249].

Основное действие романа «Македонский офицер» происходит в фантастической стране Кутемалии, которая, однако, расположена в реальном месте — в долине реки Чу и в окружении Небесных Гор (горный хребет Тянь-Шань) и которой Платонов отдает некоторые детали современной ему жизни, никак не связанные с Античностью и не соотносящиеся с «ветхим миром» романа. Это прежде всего его гидротехническая часть: так, шпиона Фирса терпят в Кутемалии потому, что он «гидравлик, водяной ученый, — в Кутемалии же не хватает воды» [9, с. 248]; Фирс ходил на работу «в гидравлическую канцелярию государства, где его постоянно ожидала работа по изысканию новых водных источников и ремонту устаревших» [9, с. 248]; в подчинении Фирса находятся водные мастера, которые сообщают ему о том, что «разведочное рытье земли у города Геша не привело к воде» [9, с. 248], поскольку в обязанность «македонского офицера» входило искать воду и решать, «где нужно рыть водяные источники или отводить воду из Чу для орошения» [9, с. 250], — ничего подобного о положении дел в Средней Азии во времена походов Александра Македонского исторические источники не сообщают.

Кутемалией правит царь Озний, которому подданные не перестают выражать преданность и восторг, подражая даже в жестах: «Озний положил

по привычке ладонь правой руки на живот», и тут же окружающие, «после того, как утих возглас преданности, в испуге положили правые руки на свои животы — по образцу царя» [9, с. 263]. Озний живет в мире фантазий о создании рая «в своем царстве Небесных Гор» [9, с. 256], за что его экзальтированно благодарят подчиненные, восхваляющие «божественный рай последнего, завершающего вождя богов, царя людей и первого жреца всех неисчислимых веществ — Озния» [9, с. 258], раболепно одаривая царя и другими титулами: «вождь вождей» и «руководитель звездных течений» [9, с. 256]. Данная деталь имеет параллель как в античной истории, так и в современной Платонову действительности.

В Древнем Риме политических деятелей и императоров нередко наделяли почетными титулами и прозвищами и воздавали божественные почести: так, титул «отец отечества» был впервые пожалован Марку Туллию Цицерону, затем — Гаю Юлию Цезарю и Октавиану Августу; императору Тиберию предлагали принять титулы: «Непобедимый» и «Благочестивый» [15, Тиберий: 17]; Калигула «присвоил множество прозвищ: его называли и “благочестивым”, и “сыном лагеря”, и “отцом войска”, и “Цезарем благим и величайшим” <...> ...Некоторые величали его Юпитером Латинским» [15, Гай Калигула: 22]. Не исключено, что «Жизнь двенадцати цезарей» Светония как один из самых известных источников по античной истории тоже был в поле зрения Платонова по время работы над «Македонским офицером»: в 1933 г. в издательстве Academia вышло очередное издание этого текста.

Параллелей с современностью Платонова у данного эпизода «Македонского офицера» было еще больше. Так, незадолго до обращения писателя к роману состоялся XVII съезд ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.), названный «Съездом победителей»: в день открытия съезда «Правда» вышла с редакционной статьей под таким заголовком, рисующей картины строящегося «рая»: «Рабочий класс с исключительной быстротой построил фундамент социалистического общества и сейчас упорно работает над завершением всего здания социализма. <...> Счастливая страна, счастливая эпоха напряженного героизма, когда фонтаном бьет творчество миллионов, кующих свою собственную жизнь! <...> Миллионы убедились, что социализм несет им светлую, радостную, сытую жизнь...» [18, с. 1]. Такая же оптимистическая картина настоящего была представлена и в Отчетном

докладе Сталина съезду: в городе выросла промышленность; в деревне вместо единоличных созданы большие коллективные хозяйства; исчезла эксплуатация человека человеком, и как результат — материальное положение и быт трудящихся улучшились [17, с. 1–5] и т. д. В преддверии съезда и во время него в печати появляются многочисленные статьи, восхваляющие роль Сталина в достижении такой счастливой жизни и награждающие его титулами непревзойденности, например: «Бригадир мировой революции» [12, с. 1], «Великий зодчий социализма» [13, с. 3]; «Славный рулевой мирового Октября» [16, с. 1]; «Лучший ударник социалистической стройки», «лучший из лучших», «мудрый любимый вождь» [7, с. 2] и др. Самое поразительное, что это победное торжество происходило сразу после массового голода 1932–1933 гг., который Платонов, единственный из писателей, отразил в художественном произведении — пьесе «14 Красных избушек». В «Македонском офицере» ситуацию восторга перед перспективой будущего рая на фоне голода граждан Платонов корректирует устами своего героя Фирса, говорящего царю: «Государь! Твои рабы хотят меньше, чем рая, они хотят жизни, вместо страха, и по четыре горсти риса, кроме восторга пред тобою...» [9, с. 258].

Перед съездом и в дни его центральная газета страны «Правда» полна публикаций о положении в стране, выдержанных в самых восторженных выражениях, с многочисленными восклицательными знаками; образец такой апологии можно найти, например, в очерке Михаила Кольцова «По пути в Кремль»: по дороге на открытие съезда автор посещает выставку, демонстрирующую достижения страны, где представлены годы «большевистского становления, роста и лепки нового, невиданного уклада жизни! <...> Сколько раз проверялась правильность генеральной линии... <...> По ней, по этой линии... вырастали этаж за этажом, новые, светлые дома рабочих и апельсиновые рощи...». Сталин изображен здесь как проводник в прекрасное будущее: «...в радостных бурях оваций человек в простом сером френче выйдет на мостик трибуны и спокойным голосом даст курс вперед, в завтрашний день, в великое и прекрасное будущее» [6, с. 1]. Михаил Кольцов (1898–1940) был советским писателем и публицистом, пафос и тон его очерка — типичными для литературы времени, которая сыграла определенную роль в прославлении «вождя вождей». Признательность советской литературе за работу по пропаганде «рая» выражена в другой посвящен-

ной съезду публикации: «Сочинения современных писателей полны волнующих картин бесконечного количества поездов, везущих цемент, железо, уголь... Эти сочинения дают образ *великого перерождения народа к социализму*» [13, с. 3].

Одна из наиболее ярких картин «Македонского офицера» — демонстрация преданности царю на площади перед дворцом Озния, где

> ...терзались в энтузиазме восторга более ста человек. <...> Один человек катался по земле... дабы живьем достать сердце изнутри и показать<,> насколько оно предано царю... <...> Пять человек ходили без остановки по одинаковому кругу... они мысленно искали величайшей славы для царя и, найдя ее, восклицали: «О, плод единственный отцветших богов!»... «всякий разум глупость пред тобою!» Среди того круга, по которому ходили размышляющие и восклицающие, дрались насмерть несколько человек, уличая друг друга в недостаточной радости по поводу жизни Озния, и двое из них лежали уже мертвые. Четверо сидели в стороне... и рвали постепенно вручную свои органы деторождения, чтобы никакая будущая жизнь уже не сумела произойти, ибо Озний исчерпал всю вечность... На краю каменистой площадки, среди прочих мятущихся и торжествующих, вращались на земле еще другие люди и бились головами о ближние камни, чтобы выбить из сознания всякую мысль, потому что всякая мысль есть тайна и может быть соперницей великого ума Озния... [9, с. 254–255].

Эта сцена, которую Платонов устами Фирса характеризует как «шум сумасшествия» [9, с. 254], — очевидная карикатура на выражение политической лояльности, с характерной для данного жанра преувеличенной трактовкой темы и гиперболизацией реальных черт изображаемого: карикатура на стремление показать свою преданность власти, на взаимную борьбу «преданных», на готовность ради идеи отказаться от личной жизни, «выбить из сознания всякую мысль» и пр. Необычный способ шелководства, который был упомянут выше, — вынашивание женщинами червей в половых органах, а не «под поясом», как в действительности, — это тоже карикатура на рабское положение работниц. В стиле карикатуры выдержан и портрет главного героя романа Фирса, хотя он и положительный персонаж: «...нос его имел размеры, годные лишь для большого животного, уши

росли беспрерывно и глаза гноились от неизвестной азиатской заразы...» [9, с. 248]. Карикатурной цели служит и псевдоисторическая экипировка героев, и переадресовка исторических имен, и передача историческим персонажам черт современников (тоже имеет место).

Еще два исторических персонажа упомянуты в романе — древнегреческие философы Аристотель (384–322 гг. до н.э.) и Платон (427–347 гг. до н.э.): к первому Платонов привязывает оценку современного государства как «психиатрического типа правления»; ко второму — оценку правительства «философов» в идеальном государстве.

Воспитатель Александра Македонского Аристотель был эрудитом: его многочисленные сочинения включают физику, метафизику, логику, психологию, политику и др.; одно из наиболее известных учений Аристотеля касалось государства, которому он посвятил сочинение «Политика». Форм государственного правления Аристотель назвал шесть, среди которых, по оценке философа, было три правильных: монархия, аристократия и республика; и «три худых рода правления: тирания, олигархия и демократическое государство толпы, пролетариата» [19, с. 452]. «Рассмотрев... действительные политические формы, Аристотель развивает план *образцового*, идеального государства. Такое государство представляется ему прежде всего греческим республиканским полисом. ...По его мнению, только эллины способны соединить свободу с порядком, мужество с культурой» [19, с. 453]. Платонов упоминает Аристотеля именно в контексте оценки современного типа государственного правления на фоне существовавших в Древней Греции: «Мегариец понял, что лишь на берегах Эгеи и в Македонии властвует скромный дух Эллады, а в остальном мире царит психиатрия, — так называл Аристотель, учитель македонского царя, всякое внезапное искусство мгновенных чувств» [9, с. 258], — и далее от лица Клузия, главы правительства философов в Кутемалии, идет длинный едкий пассаж о психиатрическом государстве как современной «образцовой» форме правления:

> Клузий объявил новейшее время, как психиатрический окончательный этап в жизни всего человечества. Психиатрия — мгновенное искусство духа царя — есть завершение всемирной томительной истории человеческого рода; психиатрическая форма правления народами есть высшая, действительная свобода людей, потому что все законы государства немедленно

отмирают, и общая жизнь делается внезапной в своей судьбе... <...> ...Высший закон всех стихий — причинность — уничтожена тем, что Озний первый из царей применил в мире собственную психиатрию, которая действует не только беспричинно, но и против любых причин [9, с. 262].

По определению Клузия, это и есть «кутемалийский рай, где сверкают молнии психиатрического царства ослепляющей свободы».

Учитель Аристотеля философ Платон тоже писал об идеальном государстве, которое, по оценке В. Бузескула, рассматривавшего параллели между Античностью и современностью, напоминало социалистические стремления XX в.: «...Платон подробно рисует свой политический и общественный идеал в своем знаменитом произведении "Государство". <...> ...Платон создает свой идеал государства, которого, по его собственным словам, нет на земле... Государством этим правят философы... <...> Как ни утопичен... этот идеал Платона, но и здесь можно видеть приближение к последующей действительности. Прежде всего, Платонов коммунизм может напоминать современные коммунистические и социалистические стремления...» [1, с. 17]. Правительство философов — главная черта идеального государства Платона: «Высшая власть в нем [государстве] должна принадлежать тем, кто вполне овладел "царственным искусством", кто ясно осознает идеал справедливости, идею добра и способен к ее сознательному, последовательному осуществлению в обществе; к такому ясному сознанию идеала способны лишь философы, которые одни могут быть истинными политиками» [19, с. 390–391].

Во главе Кутемалии, помимо Озния, тоже стоит «коллегия философов», главой которой и «начальником государственной мудрости» является Клузий: «делом жизни этих государственных философов было уловление психических настроений вождя всемирного вещества Озния и превращение его невроза в законы» [9, с. 260]. Клузий и сам писал философское сочинение, где он «советовал всем живым людям не ценить и не жалеть себя и отнестись к фантасмагории своего существования с насмешкой... Мегариец догадался, что Клузий писал так из страха смерти...» [9, с. 260].

Многие советские государственные деятели первых 20 послереволюционных лет имели репутацию интеллектуалов; среди них были и уже удаленные к 1934 г. с политической арены; и те, кто в это время еще пытался держаться на поверхности и «из страха смерти» относиться «к фан-

тасмагории своего существования с насмешкой»: так, Л.Д. Троцкий (1879–1940) был ярким публицистом, писателем, теоретиком коммунизма; цитированный выше по поводу оценки XVII съезда ВКП(б) К.Б. Радек (1885–1939) — публицистом, литератором, литературным критиком; Л.Б. Каменев (1883–1936) — литератором и литературным критиком; А.В. Луначарский (1875–1933) — драматургом и т. д. В плане философских достижений современники особенно выделяли Н.Н. Бухарина, называя его «крупнейшим мыслителем русской страны», «одним из крупнейших мыслителей мира» [2, с. 288].

Устами Фирса Платонов, со ссылкой на Платона, выносит «государственным философам» и гениям приговор: «Фирс… вспомнил Платона и его правительство философов и предпочел иметь меч во главе мира, вместо гения» [9, с. 262].

Такое неожиданное для Платонова произведение, как «Македонский офицер», необычное по жанру и по наличию адекватно введенного античного материала, ставит вопрос о его источниках. Частично они были указаны в статье. В тех случаях, когда точно определить, какими изданиями пользовался Платонов, не представлялось возможным, мы ссылались на более популярные и такие, к которым «Македонский офицер» ближе всего по акцентировке тем. Можно назвать и еще одну книгу как повлиявшую на Платонова, хотя напрямую она и не имеет отношения к роману. Это сочинение немецкого автора Пауля Томпсона, которое сохранилось в личной библиотеке Платонова: *Томпсон П.* Рабочее движение и карикатура. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Описанные Томпсоном принципы карикатуры и ее возможная направленность в разные эпохи, хотя и касались живописи, могли вдохновить писателя на карикатурное изображение современности в форме исторического произведения, а указанные историком-античником В.П. Бузескулом параллели между Античностью и современностью — придать дополнительную мотивировку такой идее. Попробуем допустить и еще одного автора, работы которого Платонов, пользовавшийся чьей-то библиотекой, мог читать для «Македонского офицера»: в этом произведении много деталей, не связанных с основным сюжетом и существующих как бы автономно от него, но тоже укорененных в Античности. Этот автор — Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944), филолог-классик, автор многочисленных работ по Античности, на которые ссылается и Бузескул в сво-

ем сочинении «Античность и современность». Одна из статей Зелинского под названием «Происхождение комедии» посвящена комедии греческого поэта Аристофана «Ахарняне» (герой которой — из Мегары, как и платоновский Фирс). Зелинский пишет о карикатурности в древнеаттической комедии и в частности у Аристофана, персонажи которого — «даже не типы, а *карикатуры*. Карикатурность... отличительный признак древнеаттической комедии...» [3, с. 366]; о карикатурной политической комедии [3, с. 380].

В «Македонском офицере» есть ряд фрагментов, про которые нельзя сказать наверняка, что́ это — ни на чем не основанная фантазия Платонова или фантазия с книжными истоками. Вот, например, одно из описаний Кутемалии, в которой все боги были отменены, чтобы не затмевать всемогущество царя Озния, даже «последний ветхий бог, старичок Узик, покровитель задумчивости, был предан недавно забвению<,> и его каменные убогие фигуры раскрошены на жерновах» [9, с. 254]. Олицетворение тех или иных качеств и действий человека (в данном случае — задумчивости) — черта религии Древнего Рима, о которой Платонов мог прочитать тоже в статье Ф.Ф. Зелинского «Рим и его религия»: «Римский полидемонизм, будучи основан на обоготворении знаменательных для человеческой жизни моментов, был умножаем до бесконечности»; это обоготворение сторон человеческой жизни было источником «увеличения римского пантеона... в Риме появились храмы Надежды, Согласия, Целомудрия, Благочестия, Благополучия и многих других родственных божеств» [4, с. 15, 37].

Андрей Платонов пишет «Македонского офицера» как давно вынашиваемый проект, вероятно, сразу после возвращения из Туркмении, в мае–июне 1934 г. По художественному языку, гротескности образов и вниманию к негативным сторонам жизни этот «роман из ветхой жизни» примыкает к двум остросоциальным текстам писателя 1933 г.: пьесе «14 Красных избушек» и рассказу «Мусорный ветер». «Македонский офицер» обрывается на середине предложения (объем написанного — чуть больше 1 а.л.), и невозможно определить жанр недописанного произведения, итоговую меру сочетания в нем карикатурности, фантастики и памфлетности. Но «Македонский офицер» стал рубежным в творчестве Платонова: начиная с рассказа «Такыр» (1934), писатель полностью изменяет художественный язык и тематику своих произведений и больше к подобной поэтике не возвращается.

Список литературы

Исследования

1 *Бузескул В.П.* Античность и современность. 3-е изд., доп. Л.: Наука и школа, 1924. 144 с.

2 *Дмитриевский С.* Советские портреты. Берлин: Стрела, 1932. 304 с.

3 *Зелинский Ф.Ф.* Происхождение комедии // *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. С. 360–397.

4 *Зелинский Ф.Ф.* Рим и его религия // *Зелинский Ф.Ф.* Соперники христианства. Статьи по истории античных религий. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 1–87.

5 *Умрюхина Н.В.* Библитека Андрея Платонова в фонде ИМЛИ РАН // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 970–1002.

Источники

6 *Кольцов М.* По пути в Кремль // Правда. 1934. 27 января. С. 1.

7 Миллион трудящихся — на демонстрации // Правда. 1934. 1 февраля. С. 2.

8 *Платонов А.* Записные книжки: материалы к биографии. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.

9 *Платонов А.* Македонский офицер. Роман из ветхой жизни / текст подгот. Е.И. Колесниковой // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука. 1995. С. 245–264.

10 *Платонов А.* «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2019. 717 с.

11 *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1893. Т. 6. Вып. 2: Александр Великий и Гай Цезарь. 444 с.

12 Программа всемирно-исторических работ // Правда, 1934. 1 января. С. 1.

13 *Радек К.* Зодчий социалистического общества // Правда. 1934. 1 января. С. 3–4.

14 *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6.: Азиатская Россия и Средне-Азиатские ханства. СПб.: Изд-е картографического заведения А. Ильина, 1892. 712 с.

15 *Светоний Транквил Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Academia, 1933. 638 с.

16 Славному рулевому мирового Октября — товарищу Сталину // Правда. 1934. 29 января. С. 1.

17 *Сталин И.* Отчетный доклад ЦК ВКП(б) // Правда. 1934. 28 января. С. 1–5.

18 Съезд победителей [Ред. статья] // Правда. 1934. 26 января. С. 1.

19 *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии. М.: ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. 576 с.

20 *Штоль Г.* Герои Греции в войне и мире: история Греции в биографиях. СПб.: Изд. О.И. Бакста, 1879. 431 с.

References

1 Buzeskul, V.P. *Antichnost' i sovremennost'* [*Antiquity and Modernity*]. 3rd ed., enl. Leningrad, Nauka i shkola Publ., 1924. 144 p. (In Russ.)

2 Dmitrievskii, S. *Sovetskie portrety* [*Soviet Portraits*]. Berlin, Strela Publ., 1932. 304 p. (In Russ.)

3 Zelinskii, F.F. *Proiskhozhdenie komedii* [*The Origin of Comedy*]. Zelinskii, F.F. *Iz zhizni idei* [*From the Life of Ideas*]. Petrograd, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1916, pp. 360–397. (In Russ.)

4 Zelinskii, F.F. "Rim i ego religiia" ["Rome and Its Religion"]. Zelinskii, F.F. *Soperniki khristianstva. Stat'i po istorii antichnykh religii* [*Rivals of Christianity. Articles on the History of Ancient Religions*]. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1907, pp. 1–87. (In Russ.)

5 Umriukhina, N.V. "Bibliteka Andreia Platonova v fonde IMLI RAN" ["Andrei Platonov's Library at the IWL RAS Fund"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 970–1002. (In Russ.)